

На следующее утро, когда Цзянь Мянй открыл глаза, Цинь Уцзю в комнате уже не было.

Событие почти невероятное: обычно младший шишу любил поспать и не поднимался раньше полудня.

Быстро одевшись, Цзянь Мянй вышел во двор. Там царил тишина, и было неясно, куда запропастился дядя. Потянувшись, юноша вдруг кое-что вспомнил и бросил взгляд на соседнюю комнату. Убедившись, что Цинь Уцзю нигде не видно, он на цыпочках прокрался к чужим дверям и прильнул к щели в окне.

Увы, разглядеть что-либо за плотными складками полога кровати было невозможно.

— Она уже ушла.

Голос Цинь Уцзю раздался прямо за спиной. Цзянь Мянй вздрогнул и едва не подпрыгнул — шишу, ты что, привидение? Хоть бы раз предупредил, что идешь!

— Доброе утро, — Цзянь Мянй постарался придать лицу бесстрастный вид, оправдывая свое любопытство. — Да я просто... за рану той девушки беспокоился.

— Хочешь наведаться в квартал Весенних Цветов? — невозмутимо спросил Цинь Уцзю.

Цзянь Мянй замахал руками:

— Вот уж нет, увольте.

Возвращаться в это заведение у него не было ни малейшего желания. Впрочем, стоило бы передать деньги на лекарства и извинения, но как это сделать? Просить кого-то — пойдут слухи, чего доброго, еще присочинят лишнего.

Цинь Уцзю, словно прочитав его мысли, добавил:

— За лекарства уже уплачено.

— Ну и славно.

Одной заботой меньше. Цзянь Мянй толкнул дверь и вошел в комнату: та и впрямь пустовала. В воздухе всё еще стоял густой аромат благовоний, который за ночь стал тяжелым и приторным. Распахнув окна, юноша принялся выносить постельное белье на просушку. Всё это время Цинь Уцзю тенью следовал за ним.

Когда Цзянь Мян, закончив со взбиванием подушек, резко обернулся, он едва не врезался в шишу.

— Тебе не нравятся девушки? — Цинь Уцзю медленно, пытливо заглянул ему в глаза. — Мян-эр, или тебе больше по душе мужчины?

Цзянь Мян лишился дара речи.

Надо же, какой прогрессивный взгляд у человека из древнего ордена! Но тут явно вышло недоразумение.

— Не нравятся, — он решительно мотнул головой. — Шишу, не выдумывай лишнего.

Опасаясь, что тот снова начнет строить коварные планы по его «обустройству», Цзянь Мян поспешил добавить:

— Сейчас мне не до поиска пары. Есть дела поважнее.

— О? И что же это за дела? — Цинь Уцзю приподнял бровь, выражая то ли праздный интерес, то ли легкую насмешку.

— Ну как же... — Цзянь Мян замялся.

Он мечтал странствовать по миру, защищать слабых и любоваться красотами поднебесной, но пока это было невозможно.

— В любом случае, это не то, о чем ты подумал, — буркнул он, подхватил таз с водой и ушел умываться, а затем скрылся на кухне готовить завтрак.

После этого случая Цзянь Мян еще несколько дней был настороже, опасаясь новых выходов, но Цинь Уцзю вел себя смирно. Вскоре нелепый инцидент и вовсе выветрился из головы.

Жизнь текла своим чередом, и Цзянь Мян начал всерьез подумывать, как бы подзаработать на ведение хозяйства.

У Цинь Уцзю деньги были, но Цзянь Мян считал, что нельзя бесконечно проедать накопления — нужно и самому что-то уметь. К сожалению, за свои восемнадцать лет он прочел немало книг, а вот практических навыков по добыче золота так и не приобрел.

Конечно, можно было бы зарабатывать игрой в кости — это самый быстрый путь. Но ту сомнительную лавочку, куда они заглядывали в прошлый раз, прикрыли власти из-за жалоб

горожан, а игроки разбрелись по другим притонам. Однако азартные игры Цзянь Мянэ не рассматривал. Он даже составил список вариантов: пойти в подмастерья или заделаться мелким торговцем? Может, делать и продавать тофу?

Мысли о пропитании нагоняли тоску.

Благодаря заботе Цзянь Мянэ здоровье Цинь Уцзю поправилось, но он по-прежнему оставался на редкость ленив. Мало что могло пробудить в нем интерес: большую часть дня он проводил в постели, а в хорошую погоду выбирался во двор погреться на солнышке.

Но каким бы безучастным ни казался шишу, он не мог не заметить перемен в поведении племянника.

Однажды утром Цзянь Мянэ так надолго застрял на кухне, что Цинь Уцзю решил заглянуть к нему. Обнаружилось, что юноша затеял масштабное производство тофу. Он пояснил, что уже нашел сбыт в городских харчевнях: доход невелик, но всяко лучше, чем сидеть на бобах.

В воздухе плыл густой аромат вареной сои.

— Тебе не хватает тех денег, что я дал? — спросил Цинь Уцзю.

— Бережливость еще никому не вредила.

Цинь Уцзю помолчал мгновение, а затем коротко бросил:

— Иди за мной.

Цзянь Мянэ хотел было возразить, что он по уши в делах и просит шишу не мешаться, но тот уже вышел. Пришлось вытереть руки и подчиниться.

Миновав длинную галерею, они оказались в задней части усадьбы перед запертой дверью. Цинь Уцзю отпер замок и кивком велел войти. Цзянь Мянэ с любопытством заглянул внутрь и едва не ослеп от нестерпимого блеска.

Золото, серебро, самоцветы... Один ноля, два ноля, три ноля... Счету не было конца!

Цзянь Мянэ застыл, как вкопанный, и лишь спустя долгое время смог выдавить:

— Это всё... твои деньги?

Глупый вопрос — чьи же еще они могли быть в этом доме. Кто бы мог подумать, что шишу

настолько богат! Почему тогда учитель перебивался с хлеба на воду?

Реакция племянника явно позабавила Цинь Уцзю. Он небрежно бросил связку ключей, которую Цзянь Мянью едва успел поймать, всё еще пребывая в оцепенении.

— Распоряжайся этим по своему усмотрению, меня не спрашивай, — с этими словами Цинь Уцзю удалился.

Цзянь Мянью еще долго стоял на месте, потом несмело прошел вглубь сокровищницы. Потрогал одну безделушку, другую, даже прикусил золотой слиток, проверяя на зуб.

— Настоящее... — пробормотал он.

Превращение из нищего оборванца в богача казалось Цзяню Мянью каким-то сном. Несколько дней он пребывал в приподнятом настроении, и планы по продаже тофу были заброшены.

Проходя мимо книжной лавки, он зашел и скупил все трактаты об орденах и бессмертных мастерах, что были в наличии. Теперь на его столе у окна красовались целые горы свитков. Впервые в жизни он тратил деньги без малейшего укола совести.

«Я занимаюсь самообразованием, а знания — это лучший капитал», — оправдывал он себя.

Первым делом он принялся изучать рейтинги великих орденов. Пролистал всё от корки до корки, но Павильона Чистого Ветра и Ясной Луны так и не нашел. Стал искать в списках знаменитых героев имена учителя и младшего шишу — пусто. Отчаявшись, он заглянул даже в перечень злодеев, но и там имени Цинь Уцзю не оказалось.

«Неужто "Шесть чудовищ горы Юньдан" всё это выдумали?» — засомневался юноша.

Скорее всего, те недоумки просто вообразили себе великую историю. Цзянь Мянью покачал головой: похоже, от спокойной жизни он совсем перестал соображать и порядком поглупел.

Затем он взялся за сборники сплетен о мире заклинателей. Описанный там мир больше походил на милую сказку: никакой вражды, никаких кровавых битв, сплошная гармония и благоденствие — точь-в-точь как в этом городке Фэнчжоу. Весь мир пребывал в покое, а те немногие демоны, что рисковали показаться на глаза, описывались как существа едва ли не милые.

Странно всё это.

Цзянь Мянью заподозрил, что книги либо написаны невеждами, либо ему подсунули дешевую подделку. В мире совершенствующихся такой идиллии быть просто не может, это противоречит самой сути пути бессмертия.

Помучившись сомнениями, он в конце концов рассмеялся. Какая разница? Это просто способ убить время, к чему такая серьезность.

Впрочем, чтение заняло всё его утро. Рассказы о юных героях, летящих на мечах сквозь облака, вновь разбередили его давнюю мечту. Ему уже исполнилось восемнадцать, по плану пора было отправляться в путь, но как оставить шишу...

Цзянь Мянью выглянул в окно.

День выдался удивительно ясным, солнце ласково пригревало. Цинь Уцзю дремал в длинном кресле, укутавшись в мягкое меховое одеяло. Двор был чисто выметен, через ограду перевешивалась ветка красной сливы, наполняя воздух тонким ароматом. Легкий ветерок сорвал несколько лепестков, и те опустились на одежду и волосы спящего, создавая картину столь безмятежную, что у Цзянь Мянью не поднялась рука нарушить этот покой.

«Ладно, — подумал он, глядя на дядю. — Путешествие может и подождать».

Даже владея несметными богатствами, Цзянь Мянью предпочитал всё делать сам. Он не заводил слуг и не торопился примерять на себя роль избалованного молодого господина.

Жизнь шла своим чередом.

Однажды утром он отправился за продуктами. Ему повезло: у самых ворот он встретил старика-рыбака, который только что привез свежий улов из пригорода. Рыба была крупной, блестящей и так и прыгала в корзине. Цзянь Мянью взял двух карпов: одного решил приготовить на пару, другого — зажарить в остром соусе. Затем он заглянул на рынок за овощами и фруктами и, довольный покупками, повернул к дому.

Настроение было отменным, но стоило ему свернуть в свой переулок, как он увидел у ворот толпу людей. Двери в усадьбу были распахнуты настежь.

Юноша замер. За всё время, что они здесь жили, у Цинь Уцзю не было ни единого гостя. Что стряслось?

Неужто беда?

Но по возбужденным лицам соседей не было похоже, что случилось что-то дурное. Цзянь Мянй поспешил вперед, расталкивая зевак. Те, завидев его, заулыбались:

— Сяо Цзянь, поздравляем!

«С чем это?» — в полном недоумении Цзянь Мянй вошел в дом и обнаружил, что младший шишу принимает гостью. Это была женщина лет сорока в кричаще ярком наряде, с густым слоем белил на лице и зычным голосом.

Кивнув Цинь Уцзю, юноша прошел мимо и скрылся на кухне. Быстро разделав рыбу, он вдруг осознал, что именно напоминал ему облик этой дамы.

Постойте... Да это же классическая сваха!

Цзянь Мянй хоть и не был коренным жителем этого мира, но по фильмам и книгам знал этот типаж — его ни с чем не спутаешь. А зачем сваха приходит в дом? Конечно же, сватать! Неужели... к младшему шишу наконец заглянула весна?

Цзянь Мянй едва не засиял от радости. Быстро вымыв руки, он поспешил обратно в зал, чтобы не пропустить самое интересное.

Там женщина распиналась, не закрывая рта, а Цинь Уцзю хранил молчание, с превеликим интересом рассматривая узоры на столешнице. Лишь когда вошел Цзянь Мянй, он слегка оживился.

Юноша принес чай и нарезанные фрукты. Подавая чашку дяде, он укоризненно на него взглянул: «Ну кто так гостей принимает? Сваха же обидится и ничего хорошего о тебе невесте не расскажет. Совсем не смыслишь в людских делах!»

Тетушка Хуа была лучшей свахой в округе, на ее счету были сотни соединенных сердец. Она, конечно, знала, что на юге города живет красавец-дворянин со слабым здоровьем, и слышала о его нелюдимости.

До появления Цзянь Мянй горожане старались обходить этот дом стороной. Поговаривали даже, что хозяин — лис-оборотень, иначе откуда взяться такой красоте? Но со временем, видя, что в городе всё спокойно, слухи поутихли.

Тетушка Хуа не решилась бы беспокоить этого «бога», если бы не слезная просьба заказчицы — девушки из почтенной семьи ученых. Та как-то увидела его на улице и потеряла покой. Несколько дней томилась от любви, а потом умолила отца заслать сватов. Поступок для девицы смелый, и тетушка Хуа это оценила: за счастье надо бороться.

Шла она сюда с замиранием сердца, наслушавшись о скверном нраве Цинь Уцзю, но, к ее

удивлению, болезненный красавец позволил ей войти. Хоть он и был холоден, но раз в дом пустил — значит, надежда есть. Тетушка Хуа заговорила еще слаще, надеясь устроить этот брак.

Цзянь Мянй слушал, как сваха расписывает достоинства невесты, выставляя ее чуть ли не сошедшей с небес небожительницей. Когда он подошел подлить чаю, сваха внезапно обернулась к нему:

— Ну, а что скажет молодой господин?

— По-моему, всё замечательно, — улыбнулся Цзянь Мянй.

Шишу больше не мог совершенствоваться, так что женитьба и тихая семейная жизнь — лучший для него исход. А сам Цзянь Мянй... когда за дядей будет кому присмотреть, он со спокойной душой сможет отправиться странствовать, как и мечтал.

— Вот и славно, вот и хорошо, — просияла тетушка Хуа и повернулась к Цинь Уцзю: — Господин Цинь, не позволите ли узнать ваш час рождения, чтобы сверить гороскопы?

Цинь Уцзю не сказал ни да, ни нет, лишь обронил:

— Пожалуй, стоит сперва встретиться лично.

— Встречаться вот так сразу не слишком прилично, девушка она скромная, — замялась сваха, но тут же снова расплылась в улыбке: — Давайте так: завтра я принесу ее портрет, и вы сами решите, по душе ли она вам.

Цинь Уцзю кивнул.

Сваха не ожидала, что дело пойдет так легко. Обрадованная, она поспешила откланяться, но на пороге обернулась к Цзяню Мянью:

— Молодой господин, не сомневайтесь, глаз у меня острый. Эта девица подходит вам как нельзя лучше, сами увидите по портрету!

Цзянь Мянй едва не выронил чайник из рук.

Погодите... Так сваха пришла не за шишу, а за ним?!